
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЯСНЕНИЙ ОТЦОВСТВА: ОТ Г. СПЕНСЕРА ДО Р. КОННЕЛЛА

А.Н. Липасова*

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

В статье анализируются и сравниваются несколько подходов к понятию отцовства, присутствующих в западной социологической традиции: биологический детерминизм, социальный конструктивизм и биосоциальная теория. Проблематика отцовства и родительских практик мужчин маргинализована в современных российских социальных исследованиях, посвященных семейной тематике, и этот факт закрепляет традиционное неравенство в семейных отношениях, когда роль отца считается вторичной по сравнению с материнской ролью. В западных «критических» мужских исследованиях, напротив, можно выделить несколько этапов: развитие «поло-ролевой» парадигмы (биологический детерминизм), возникновение концепции гегемонной маскулинности, междисциплинарный этап (биосоциальная теория). В соответствии с подходом биологического детерминизма отец выступает как патриарх, продолжатель рода и ролевая модель для преемников. Социальный конструктивизм рассматривает функции мужчины в семье с точки зрения маскулинного давления и утверждения гегемонии над женщиной и детьми. Биосоциальная теория стремится объединить биологическую детерминированность отцовства с социальным, культурным и личностным контекстом. В статье показано, что эти подходы непосредственно связаны с уровнем развития общества, отношением к институтам семьи и брака, уровнем эгалитарности гендерного порядка.

Ключевые слова: отцовство; гендер; институт семьи; биологический детерминизм; теория половых ролей; социальный конструктивизм; биосоциальная теория

В современном мире слова «мать», «отец», «ребенок», «материнство», «отцовство» являются не только терминами, но и противоречивыми понятиями, закреплёнными в противопоставлениях, дилеммах: например, «мать и ребенок», «материнство и детство», «отцы и дети», «дети и бездетность». Исследований, посвященных материнству, репродуктивному выбору женщин, новому пониманию роли и места женщин в обществе, теме баланса семьи и работы для женщин достаточно много. Проблематика отцов/отцовства и родительских практик мужчин, напротив, менее популярна у исследователей, что воспроизводит традиционное неравенство в семейных отношениях, когда роль отца считается вторичной по сравнению с материнской ролью.

* © А.Н. Липасова, 2015.

В России проблема отцовства затрагивалась в рамках педагогического дискурса; ряд исторических работ был посвящен рассмотрению семейного быта и родственных отношений. П. Сорокин ввел понятие «союза родителей и детей» и анализировал эту часть института семьи в исторической динамике [5].

В современных социологических исследованиях тема отцовства присутствует в работах, посвященных особенностям развития института семьи. Отцовство анализируется как социально, экономически и культурно обусловленный феномен, рассматриваются механизмы государственного регулирования родительства и гендерные отношения в семье и обществе.

В западном научном дискурсе тема отцовства тоже обсуждается достаточно широко, причем в нем присутствует принципиально иное дисциплинарное разделение. Само понятие отцовства как социально конструируемого феномена вошло в социологию лишь в 1980-е гг., но иностранные социологи разработали и использовали ряд других теоретических и методологических концепций, которые могут быть полезны в дальнейшем изучении феномена отцовства в России.

Еще в Древней Греции Эсхил в «Эвменидах» вложил в уста Аполлона слова: «Дитя родит отнюдь не та, что матерью зовется. Нет, ей лишь вскормить посев дано. Родит отец. А мать, как дар от гостя, плод хранит, когда вреда не причинит ей бог» [11]. Подобного, немного одностороннего, подхода к изучению роли мужчины в семье придерживались представители биологического детерминизма (Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, К. Маркс, Ф. Энгельс, З. Фрейд, Т. Парсонс, Р. Бейлз). Взгляды этих ученых на то, что сейчас принято называть «институтом отцовства», различны, однако объединяет их одно: придание биологическим факторам определяющего значения в формировании семейных отношений. Отцовство выступает как данность, как само собой разумеющаяся роль мужчины. Наиболее емко это убеждение выразил З. Фрейд, сказав: «Анатомия — это судьба».

Так, Герберт Спенсер, один из родоначальников эволюционизма, считал, что генезис семьи вписывается во всеобщий закон развития и следует принципу: «Все меньшее и меньшее пожертвование интересами индивидов интересам вида» [7. С. 822]. В ходе эволюции цели, которым служит брак — благосостояние вида, благосостояние ребенка и благосостояние родителей — видоизменяются, и благосостояние ребенка выходит на первый план. Это происходит в силу «более высоких форм ума и чувства, слагавшихся из опытов и методов мысли, появлявшихся с прогрессом общественного состояния» [7. С. 826].

Спенсер утверждает, что в результате этого прогресса «супружеские отношения изменяются из отношений господина и подданного в отношения приблизительно равных товарищей», а «отношение отца к ребенку перестает быть тиранией, жертвующей ребенком отцу, а становится таким отношением, при котором воля отца скорее подчиняется соображениям о благе ребенка» [7. С. 825].

Несмотря на то, что данные высказывания звучат достаточно революционно и даже «по-феминистски», Спенсера интересует не равенство полов, а выживание человеческого рода: он уверен, что от качества ухода за детьми зависит «жизнь или смерть» и «нравственное благосостояние или падение» человечества.

Подобный «детоцентристский» подход Спенсер демонстрирует в работе «Воспитание умственное, нравственное и физическое». В ней он сетует на то, что «на двадцать ошибочных способов воспитания приходится один правильный» [6. С. 56].

Спенсер яростно критикует отцов, которые ежечасным изменением своих правил прикрывают их бездоказательность и односторонность. Подобное, по мнению Спенсера, происходит от незнания родителями основных принципов физиологии и элементарных истин психологии [6. С. 66]. Спенсер выступает за естественный метод воспитания, в основе которого лежит не физическое наказание, а сочетание одобрения и порицания, которое, по мнению автора, дает отцу огромную силу влияния. Физическое наказание же приводит к тому, что дети смотрят на отцов и матерей как на дружелюбных врагов.

Спенсер пишет: «Если существует отчуждение, провинившийся ребенок будет ощущать чисто эгоистический страх угрожающего физического наказания или лишения, а после того, как он подвергнется им, проистекающий отсюда вредный антагонизм и отвращение увеличат это отчуждение. Напротив того, если существует теплая привязанность к родителям, возникшая вследствие постоянной родительской дружбы, нравственное огорчение, причиненное родительским гневом, не только служит на следующее время ограничением дурных поступков в том же роде, но и приносит существенную пользу» [6. С. 261].

Общий вывод автора таков: в семейном управлении, как и в политическом, суровый деспотизм порождает большую часть преступлений, которые ему приходится обуздывать.

Менее радужные представления о родительстве транслирует один из основателей американской социологии Уильям Самнер в работе «Народные обычаи». Он отмечает, что историей правит борьба за выживание, и дети ее осложняют [17. Р. 170].

Отношения родителей и детей антагонистичны по своей природе, родители вынуждены приносить свои интересы в жертву, и перспектива возможной ее компенсации в будущем не меняет характер этих отношений. Возникновение практик аборта и инфантицида показывает, насколько рано в истории человечества груз ответственности за воспитание детей стал настолько тяжелым, что люди стали от него избавляться.

Самнер отмечает, что ни в сексуальных отношениях, ни в продолжении рода не содержится причина, по которой мужчина и женщина должны жить совместно. Эта причина состоит в воспитании детей и заботе о них. Таким образом, совместное проживание не является практикой, данной нам «от природы», а носит институциональный и конвенционный характер. Автор пишет: «Мужчина и женщина были сведены вместе, возможно, против их воли, в высших интересах борьбы за выживание. Женщина с ребенком больше нуждалась в этом союзе и, возможно, меньше хотела стать его частью» [17. Р. 199]. Таким образом, родительство стало причиной возникновения института брака.

Основатель французской социологической школы Эмиль Дюркгейм в работе «О разделении общественного труда» также отмечает конвенционный характер

возникновения института семьи: «Совместная жизнь не только принудительна, но и притягательна. Конечно, принуждение необходимо, чтобы заставить человека выйти за собственные пределы, добавить к своей физической природе другую природу; но по мере того как он начинает ценить прелести этого нового существования, он приобретает в них потребность, и нет такого рода деятельности, где бы он их страстно не искал» [2. С. 19].

Дюркгейм отмечает, что кровное родство не является единственной причиной нравственной близости, велико влияние и многих других факторов: физическое соседство, солидарность интересов, потребность объединения для борьбы против общей опасности. Источник супружеской солидарности Дюркгейм видит в «разделении полового труда» [2. С. 58]. В семье женщина отвечает за эмоциональные функции, мужчина — за интеллектуальные. Именно разделение труда на базе половых ролей создало основания для солидарности в домашней сфере. Главной целью отца, по Дюркгейму, выступает забота о будущем семьи: «Индивид не является сам для себя достаточной целью... К работе нас привязывает именно то, что она выступает для нас способом обогатить наше родовое гнездо, повысить благосостояние наших детей» [9].

Наиболее влиятельным учением о семье и взаимоотношениях полов, оказавшим огромное влияние на гендерный порядок в России, является марксизм. Основополагающий марксистский труд о происхождении полового неравенства — работа Фридриха Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Энгельс пишет, что частная собственность на средства производства возникла впервые у мужчин, и чтобы оставить свою собственность в наследство своим сыновьям, возникла необходимость введения моногамии и патрилинейности, которые бы гарантировали происхождение сыновей.

По Энгельсу, помещение в центр семейных отношений имущества и права наследования до сих пор остается базисом буржуазной семьи. Моногамная семья является не «романтической победой половой любви, примирением мужчины и женщины», но триумфом мужчины, подчинением одного пола другому, совпавшим с первыми классовыми отношениями и первым классовым угнетением: «Она основана на господстве мужа с определенно выраженной целью рождения детей, происхождение которых от отца не подлежит сомнению, а эта бесспорность происхождения необходима потому, что дети со временем в качестве наследников должны вступить во владение имуществом отца. Она отличается от парного брака гораздо большей прочностью брачных уз, которые теперь уже не расторгаются по желанию любой из сторон. Теперь уже, как правило, только муж может их расторгнуть и отвергнуть свою жену» [10. С. 135].

Симона де Бовуар в книге «Второй пол» развивает идею Энгельса о том, что в основе патриархатной семьи лежит частная собственность и желание мужчины передать ее своим биологическим потомкам. Де Бовуар связывает это желание со стремлением к бессмертию: «...собственник отчуждает свое существование в собственности, он дорожит ею больше самой жизни; она выходит за узкие рамки

этой временной жизни, продолжает существовать после разложения тела — земного, видимого воплощения бессмертной души; но такое продление жизни происходит только в том случае, если собственность остается в руках собственника — а она не могла бы по-прежнему быть его после смерти, если бы не принадлежала людям, в которых он видит свое продолжение, узнает самого себя, которых считает своими» [1. С. 30].

Подобно Э. Дюркгейму, Толкотт Парсонс, ключевой представитель структурного функционализма, рассматривает эволюцию семьи как процесс специализации ее функций. Простейшие общества были очень мало дифференцированы: каждая семья была полностью вовлечена в домашнее хозяйство и интегрирована в более широкую общность, а экономическую деятельность семьи нельзя было четко отделить от политической, религиозной или социальной. Семья играла решающую роль во всех этих сферах. Социетальные задачи современной семьи, под которой Парсонс понимает абстрактную модель нуклеарной семьи с традиционным разделением труда по половому признаку, заключаются в биологическом, психологическом и социальном воспроизводстве ее членов.

Для Парсонса главная функция современной семьи — это сохранение образцов. Семья ответственна за социализацию детей и поддержку взрослых, причем роли мужчин и женщин в ней совершенно различны. Это различие основывается на различиях между инструментальными и экспрессивными функциями (ролями). Экспрессивная роль заключается в осуществлении заботы, эмоциональной работы, поддержании психологического баланса семьи. Это сфера ответственности женщины — домашней хозяйки. Инструментальная роль заключается в регуляции отношений между семьей и другими социальными системами, это роль добытчика, защитника. Типы ролевого поведения определяются социальным положением, ролевые стереотипы усваиваются в процессе интериоризации норм, или ролевых ожиданий. Правильное исполнение роли обеспечивается системой поощрений и наказаний (санкций), положительных и отрицательных подкреплений. Роли считаются биологически детерминированными, что соответствует учению З. Фрейда о врожденных мужском и женском началах.

В работе «Социальная система» Парсонс пишет о социализации ребенка и выделяет пять так называемых катектически-оценочных механизмов обучения: гашение подкрепления, подавление (репрессия), замещение, имитация и идентификация [4. С. 312]. Катексис (cathexis) — это неологизм, введенный переводчиками З. Фрейда на английский для перевода немецкого слова «Besetzung» (буквально «вложение», «вклад»), использованного Фрейдом для обозначения количества энергии, сцепленной с любым объектом — представлением или психической структурой.

Парсонс определяет гашение подкрепления как связь между удовлетворенностью или неудовлетворенностью результатом поведения и интенсивностью стремления повторять такое поведение в будущем.

Подавление — умение отвлекаться от текущей потребности при наличии другой возможности получить удовлетворение. Под замещением понимается перемещение катексиса с одного объекта на другой.

По Парсонсу, прогресс в обучении означает, во-первых, отказ, достаточный для обеспечения гашения мотиваций, во-вторых, способность подавлять потребности, и, в-третьих, способность усваивать новые объекты, т.е. способность к замещению. Имитация — это процесс обучения, в котором другой (взрослый) показывает более короткий и более легкий путь обучения, чем мог бы найти это (ребенок), действуя сам. И, наконец, идентификация — это принятие ценностей модели. В данном случае моделью является взрослый.

Взаимодействие, являющееся важной частью социализации, выступает, по Парсонсу, как структура взаимных ролей. Идентификация с отцом крайне важна, в частности с точки зрения ценностных ориентаций в обществе, и она тем сильнее, чем более институционализированы ценностные стандарты общества. Роль матери должна измениться в соответствии с изменением акцентов, расставляемых на различных элементах системы ценностных ориентаций. Важно, чтобы оба родителя разделяли одну и ту же общую систему ценностей и демонстрировали свою солидарность детям.

Мирра Комаровски в своей работе «Функциональный анализ половых ролей» продолжает исследование поло-ролевой теории и выступает с ее критикой [15]. Ее анализ строится на противостоянии «прокреативной» семьи (family of procreation) и «родительской» семьи (family of orientation).

Комаровски отмечает, что, несмотря на то, что интересы собственной «прокреативной» семьи имеют юридически закрепленный приоритет над интересами «родительской» семьи (например, законы наследования имущества), специфика воспитания детей разных полов не всегда соответствует этой установке. Традиционно мальчикам в семье дается больше самостоятельности и свободы, факт создания собственной семьи является для них сильнейшим доказательством эмоциональной зрелости, тогда как девочки так никогда полностью не освобождаются от опеки и покровительства отца и матери. Такое воспитание нацелено на усвоение соответствующих ролей во взрослой жизни, требующих разных навыков и поведения. Соревновательность, доминирование, агрессия, независимость необходимы для будущего главы семейства. И хотя девочка может готовиться к своей будущей роли в родительской семье, мальчик осваивает свою роль вне дома, приучаясь к самостоятельности и умению зарабатывать на жизнь.

По мнению Комаровски, излишняя опека над девочками имеет «латентную дисфункцию» (термин Мертона) для женщин и брака в целом.

Сильная эмоциональная связь женщины-дочери с родительской семьей делает переход к супружеской жизни очень травматичным, по сравнению с мужчиной-сыном она во многом остается инфантильной, неспособной принимать собственные решения, более зависимой от родителей с точки зрения ее поведения, более привязанной к ним и уязвимой в случае каких-либо конфликтов между ее мужем и ее родителями. Таким образом, роль мужа и отца у Комаровски выступает как более жизнеспособная.

Наиболее плодотворной методологией анализа гендерных отношений в советском и постсоветском обществах, по мнению многих исследователей, является

структурно-конструктивистский подход, предложенный австралийским социологом Робертом Коннеллом [12]. В работе «Гендер и власть» Коннелл исследует гендерную структуру современного капиталистического общества [3]. Вслед за Э. Гидденсом и П. Бурдьё, Коннелл считает возможным построение концепции, включающей в себя взаимодействие и взаимовлияние структуры и агента. Для Коннелла у агента социального действия есть определенная степень свободы, и вместе с тем он ограничен существующими структурами.

Коннелл выделяет структуры, которые считает самостоятельными и равнозначными, и рассматривает их отдельно. В разных структурах формируются разные гендерные отношения, не сводимые к единому ядру. «Структурные модели» гендерных отношений — труд, власть, катексис, символические репрезентации — Коннелл рассматривает как равнозначные, в них во всех есть определенные гендерные режимы. Все эти структуры, по его мнению, обладают определенной автономией, и в каждой мужчины и женщины разделяются по половому признаку и оказываются в асимметричных отношениях с обществом и друг с другом [12].

Одним из инструментов анализа моделей отцовства, присутствующих в постсоветской России, может служить предложенное Коннеллом понятие гегемонной маскулинности. Концепция гегемонии заимствуется им из работ А. Грамши.

Согласно Коннеллу, гегемонной маскулинностью называется способ, с помощью которого определенные группы мужчин позиционируют себя по отношению к разнообразным подчиненным маскулинностям, а также по отношению к женщинам. С точки зрения семьи это предполагает успешную карьеру, подтвержденную верильность, а также патриархатный характер внутрисемейного договора, т.е. подчиненную позицию женщины-матери.

По Коннеллу, маскулинность — это не фиксированная данность, заключенная в теле или личностных чертах индивидов [12]. Маскулинности — это конфигурации практик, заключающиеся в социальном действии, поэтому они могут различаться в условиях различных гендерных отношений и в разном социальном контексте.

На уровне общества существуют модели идеальной маскулинности, пропагандируемые церковью, транслируемые масс-медиа или поддерживаемые государством. Такие модели имеют отношение к реальным социальным практикам, но во многом их искажают. Классическим примером может служить образ советского рабочего-стахановца. В 1935 г. Алексей Стаханов поставил мировой рекорд, добыв 102 тонны угля за один рабочий день, что бросило вызов всем советским рабочим. Искажает эту идеальную модель тот факт, что подобные рекорды создавались не одним человеком, а группой.

Таким образом, конструируемые гегемонные маскулинности могут иметь весьма отдаленное отношение к жизни реальных мужчин. И все же эти модели различным образом транслируют широко распространенные идеалы, фантазии и желания. Они служат почвой для построения отношений с женщинами, семьей и обществом, а также артикулируют определенный образ жизни. Этим они вносят вклад в создание гегемонии мужчин в гендерном порядке в целом. Неудиви-

тельно, что образы мужчин, являющиеся ролевыми моделями в различных обществах, полны противоречий. Это замечание Коннелла вполне справедливо и для России. Так, по данным European Social Survey (Round 3), 83% российских мужчин считают, что общество осуждает добровольный отказ от отцовства [13]. Вместе с тем в России до сих пор бытует мнение, что заниматься детьми — «не мужское дело». Таким образом, настоящий мужчина должен иметь детей, но не должен уделять им время.

Социально легитимные модели гегемонной маскулинности оказывают огромное влияние на отношения в семье. Коннелл отмечает, что гендерные стратегии мужчин определяют распределение работы по дому. Это одна из тем, которой посвящена книга Арли Хохшильд «The time bind», в которой исследуется феномен «двойной нагрузки» для семейных женщин. Эмпирический материал Хохшильд подтверждает, что у мужчин нет проблем с предъявлением их неотчуждаемого права на отдых.

Хохшильд приводит пример супружеской пары, Роберта и Линды, который можно считать типичной для гендерной стратегии гегемонной маскулинности. Оба партнера в этой паре работали полный рабочий день, и оба испытывали потребность в свободном времени. Разница между ними состояла в том, — пишет Хохшильд, — что «Роберт просто уезжал в своем грузовике и использовал свое свободное время». Он не спрашивал разрешения, не менял свои планы и не извинялся. Он просто делал то, что хочет. Линду такое поведение раздражало, потому что она оставалась дома одна с ребенком. Свое свободное время она проводила на оплачиваемом рабочем месте [14].

Коннелл отмечает, что гегемонные маскулинности имеют тенденцию быть сопряженными с внутренними противоречиями и эмоциональным конфликтом именно потому, что они ассоциируются с властью, основанной на гендерном порядке.

Мужчины, усвоившие эти модели, находятся в напряженных отношениях со своими детьми. Неравное разделение труда по дому, культура «засиживания на работе» (long hours culture) среди мужчин, занимающих менеджерские должности, и тревога богатых отцов по поводу управления их состоянием тоже играют свою роль. Женщины, состоящие в союзах с такими мужчинами, вряд ли могут изменить ситуацию. По Коннеллу, любая стратегия удержания власти сопряжена с дегуманизацией другой стороны и соответствующей потерей способности к эмпатии и созданию эмоциональной связи с другим человеком. В этом плане, — пишет Коннелл, — гегемонная маскулинность не всегда позволяет своему носителю испытывать удовлетворение и радость от жизни.

Стандарт гегемонной маскулинности служит одной из причин распространности модели «отсутствующего отца». В одной из своих книг немецкий психолог Александр Митчерлих анализирует историю современного общества как «общества без отца» [16].

По Митчерлиху, упадок отношений между отцом и сыном связан с давлением индустриализации, массового производства и специализации труда: работа больше

не связана с домом, общество становится все более сложным и фрагментарным, и отец превращается в фигуру, большую часть времени отсутствующую в семье, он теряет свою «суть» (substance) отца-учителя и хозяина дома. По Митчерлиху, в отсутствие отца, общество превращается в армию соперничающих, завистливых потомков (siblings).

Ревность, которую братья и сестры обычно испытывают друг к другу, становится эмоциональной нормой для всего общества. Общество потомков не в состоянии ни придерживаться четкой точки зрения, ни бунтовать. Оно похоже на дом, в котором отец или отсутствует, или неизвестен, или жалок, а вся власть принадлежит матери. В таком обществе не может родиться настоящий политический протест. Современные потомки остались без отца как на уровне семьи, так и на уровне общества: они выбирают лидеров, которые неспособны убедить их отказаться от сиюминутного удовольствия ради долгосрочной цели, а, напротив, призывают потреблять и потреблять, врут им об их возможностях и увеличивают государственный долг. Митчерлих отмечает, что «общество без отца» наиболее опасно для сыновей: если они не видят отца и не ассоциируют себя с ним, в их психике образуется дыра, которую наполняют демоны, дающие им право и оправдание разрушить то, что построили отцы. Это ведет к регрессу и варварскому, эгоистичному, инфантильному поведению. Сыновья в «обществе без отца» или живут в мире фантазий, или беспричинно агрессивны. Оба эти покинутых отцами типа являются «паразитирующими и непродуктивными».

Биологический детерминизм и социальный конструктивизм внесли огромный вклад в современное понимание маскулинности, сформировав понятийный аппарат и выдвинув идеи, на которые опираются представители интегративного «био-социального» (biosocial) подхода И. Игли и В. Вуд [18].

Согласно этому подходу мужские и женские роли зависят как от биологической природы, так и от конструируемых в обществе норм и ожиданий по отношению к ним. Игли и Вуд спорят с эволюционистами и социальными конструктивистами, заявляя, что патриархат не является повсеместным: его возникновение обуславливается комплексом социальных и экологических условий, влияющих на физические различия между полами и их способность выполнять функции, дающие более высокие статус и власть в данном обществе (каковыми являются способность воевать, заниматься интенсивным сельским хозяйством и производством).

Тем не менее, авторы признают, что биологическое отцовство начало играть важную роль именно с появлением частной собственности и института наследования. В процессе социализации родители поощряют гендерно-типичное (gender-typical) поведение детей и порицают за гендерно-нетипичное (gender-atypical), особенно это относится к сыновьям [19]. Детям поручают работу по дому, соответствующую гендерным стереотипам, покупают им соответствующие полу игрушки, одежду, по-разному оформляют детские комнаты, тем самым создавая условия для формирования культурно приемлемых образцов маскулинного и фемининного поведения.

Родители также служат первичными ролевыми моделями в разделении труда.

Дети из семей, в которых не принято гендерное равенство или где отец не участвует в воспитании детей, быстрее усваивают гендерные стереотипы и менее склонны к эгалитарности. Трудовая же занятость матери ей, наоборот, способствует.

Таким образом, различия между практиками женщин и мужчин возникают потому, что воспитание, процесс социализации, общественные представления разделяют их по разным видам деятельности, формируя у них соответствующие интересы. Биосоциальный подход позволяет рассматривать отцовство с «экспрессивной» стороны и учитывать особенности характера, субъективный опыт, социальный контекст, общественные ожидания в формировании поведения отцов.

Итак, в западной традиции существуют несколько подходов к изучению отцовства и роли мужчины: «инструментальный» подход биологического детерминизма, в котором отец выступает как продолжатель рода, хранитель частной собственности и ролевая модель для детей, прежде всего сыновей, — этот подход превалировал в эпоху индустриального общества, когда отец выступал как патриарх, и его слово было законом; социальный конструктивизм, рассматривающий функции мужчины в семье с точки зрения маскулинного давления и утверждения гегемонии над женщиной и детьми, — примета постиндустриального общества, когда женщины стали активно заявлять о своих правах и выходить на рынок труда; биосоциальная теория, стремящаяся объединить биологическую детерминированность отцовства с социальным, культурным и личностным контекстом, — именно с позиций этой теории в современной социологии изучаются отцовские практики и культурные нормы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Де Бовуар С.* Второй пол. М.: Прогресс, 1997.
- [2] *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991.
- [3] *Коннелл Р.* Гендер и власть: общество, личность и гендерная политика. М.: НЛЮ, 2015.
- [4] *Парсонс Т.* О социальных системах. М.: Академический проект, 2002.
- [5] *Сорокин П.А.* Кризис современной семьи // Вестник МГУ. Серия 18 «Социология и политология». 1997. № 3.
- [6] *Спенсер Г.* Воспитание умственное, нравственное и физическое. Мн.: Белорусская энциклопедия, 2006.
- [7] *Спенсер Г.* Основания социологии. Т. 2. СПб.: Издание И.И. Билибина, 1877.
- [8] *Тартаковская И.Н.* Гендерная социология. М.: ООО Вариант, 2005.
- [9] *Шарль К.* Интеллектуалы во Франции. Вторая половина XIX века. М.: Новое издательство, 2005.
- [10] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные сочинения. М.: Политиздат, 1987.
- [11] *Эсхил.* Трагедии. М.: Художественная литература, 1971.
- [12] *Connell R., Messerschmidt J.* Rethinking hegemonic masculinity // *Gender and Society*. 2005. December.
- [13] European Social Survey. URL: <http://www.europeansocialsurvey.org>.
- [14] *Hochschild A.R.* The Time Bind. N.Y.: Henry Holt, 1997.

- [15] *Komarovsky M.* Functional analysis of sex roles // *American Sociological Review*. 1950. Vol. 15. No 4.
- [16] *Mitscherlich A.* Society without the Father. URL: http://www.e-reading.link/bookreader.php/1009840/Mitscherlich_Society_Without_the_Father.html.
- [17] *Sumner W.* Folkways. URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/24253>.
- [18] *Wood W., Eagly A.H.* A cross-cultural analysis of the behavior of women and men: Implications for the origins of sex-differences // *Psychological Bulletin*. 2002. Vol. 128.
- [19] *Wood W., Eagly A.H.* Biosocial construction of sex differences and similarities in behavior // *Advances in Experimental Social Psychology* / Ed. by M.P. Zanna, J.M. Olson. San Diego: Academic Press, 2012.

EVOLUTION OF SOCIOLOGICAL EXPLANATIONS OF FATHERHOOD: FROM H. SPENCER TO R. CONNELL

A.N. Lipasova

National Research University — Higher School of Economics,
Moscow, Russia

The author considers and compares several approaches to the concept of fatherhood in the Western sociological tradition: biological determinism, social constructivism and biosocial theory. The issue of fatherhood and men's parental practices are marginalized in the Russian social studies of the family, which reinforces the traditional inequality in family relations when the father's role is considered secondary compared to the mother's. However, in the Western critical men's studies there are several periods: development of "sex roles" paradigm (biological determinism), emergence of the hegemonic masculinity concept, inter-disciplinary stage (biosocial theory). According to the biological determinism, the role of a father is that of the patriarch, he continues the family line and serves as a behavioral model for his ascendants. Social constructivism considers man's functions in the family from the point of view of masculine pressure and hegemony over the woman and children. Biosocial theory aims to unite the biological determinacy of fatherhood with its social, cultural and personal context. The article shows that these approaches are directly connected with the level of social development, perception of marriage and family institutions, and the level of gender order egalitarianity.

Key words: fatherhood; gender; family institution; biological determinism; sex roles theory; social constructivism; biosocial theory

REFERENCES

- [1] *De Beauvoir S.* Vtoroj pol [The Second Sex]. M.: Progress, 1997.
- [2] *Durkheim E.* O razdelenii obshhestvennogo truda. Metod sociologii [The Division of Labour in the Society. The Rules of the Sociological Method]. M.: Nauka, 1991.
- [3] *Connell R.* Gender i vlast': obshhestvo, lichnost' i gendernaja politika [Gender and Power: Society, Personality and Gender Policy]. M.: NLO, 2015.
- [4] *Parsons T.* O social'nyh sistemah [The Social System]. M.: Akademicheskij proekt, 2002.

- [5] *Sorokin P.A.* Krizis sovremennoj sem'i [The crisis of modern family]. *Vestnik MGU. Serija 18 "Sociologija i politologija"*. 1997. No 3.
- [6] *Spencer H.* Vospitanie umstvennoe, npravstvennoe i fizicheskoe [Education: Intellectual, Moral and Physical]. Minsk: Belorusskaja jenciklopedija, 2006.
- [7] *Spencer H.* Osnovanija sociologii. T. 2. [The Principles of Sociology. Vol. 2]. SPb.: Izdanie I.I. Bilibina, 1877.
- [8] *Tartakovskaja I.N.* Gendernaja sociologija [Gender Sociology]. M.: OOO Variant, 2005.
- [9] *Charle Ch.* Intellektualy vo Francii. Vtoraja polovina XIX veka [French Intellectuals. The Second Part of XIX Century]. M.: Novoe izdatel'stvo, 2005.
- [10] *Engels F.* Proishozhdenie sem'i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva [The origin of the family, private property and the state]. *Marx K., Engels F. Izbrannye sochinenija*. M.: Politizdat, 1987.
- [11] *Aeschylus.* Tragedii [Tragedies]. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1971.